

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ¹

АПК – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

ВАС – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации

ВС – Верховный Суд Российской Федерации

ГК – Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

Закон о банкротстве – Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»

Закон об исполнительном производстве – Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»

Закон о прожиточном минимуме – Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»

Информационное письмо № 52 – информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 мая 2000 г. № 52 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с применением законодательства о валютном регулировании и валютном контроле»

Информационное письмо № 65 – информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований»

Информационное письмо № 69 – информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2002 г. № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены»

¹ Сокращения применяются не только в авторском тексте, но и в используемых в комментарии фрагментах официальных разъяснений и рекомендаций (постановлений Пленумов, обзоров, информационных писем), а также в изложении иных правовых позиций судов, включая мотивировочные части судебных актов.

Информационное письмо № 70 – информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 ноября 2002 г. № 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации»

Информационное письмо № 141 – информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 141 «О некоторых вопросах применения положений статьи 319 Гражданского кодекса Российской Федерации»

Информационное письмо № 147 – информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре»

Конституция – Конституция Российской Федерации

КС – Конституционный Суд Российской Федерации

Пленум – Пленум Верховного Суда Российской Федерации

Пленумы – Пленум Верховного Суда Российской Федерации и Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

Постановление № 1 – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»

Постановление № 6 – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»

Постановление № 7 – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»

Постановление № 13/14 – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 13/14 от 8 октября 1998 г. «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами»

Постановление № 16 – постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»

Постановление № 25 – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами

некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

Постановление № 35 – постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 июня 2014 г. № 35 «О последствиях расторжения договора»

Постановление № 42 – постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»

Постановление № 45 – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве»

Постановление № 49 – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»

Постановление от 21.12.2017 № 54 – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»

Постановление № 73 – постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»

СК – Семейный кодекс Российской Федерации

СКГД ВС – Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

СКЭС ВС – Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понятие обязательства и его исполнение являются ядром всего обязательственного права, вокруг которого формируются учения об обеспечении исполнения обязательства, о перемене лиц в обязательстве, об ответственности за неисполнение обязательства и о прекращении обязательств.

Актуальность правового дизайна понятия и исполнения обязательств невозможно переоценить, что легко подтвердить хотя бы тем, что каждый читающий в данную секунду эти строки состоит в обязательстве, а многие исполняют какое-то обязательство прямо сейчас. Едва ли будет преувеличением сказать, что всякий человек неизбежно окажется в окружении названного правового дизайна; никому не удастся прожить жизнь, не оказавшись участником и не исполнив множества различных обязательств.

Истории российской юриспруденции никогда не было известно абстрактное разъяснение судебной практики, специально и исключительно посвященное данной теме. Пленум рассматривал этот вопрос дважды: 10 ноября 2016 г. — первоначальный проект Постановления, а затем 22 ноября 2016 г. — доработанный проект.

Столь масштабное разъяснение Пленума в отношении исполнения обязательств требует неспешного и кропотливого анализа. На это понадобится много сил и времени, поэтому настоящий комментарий следует рассматривать как предварительный. Соответственно, приведенные ниже суждения пока не имеют должной глубины и обоснования, а потому их следует воспринимать критически и с осторожностью. Они лишь предлог для дискуссии и начало нашего продвижения в этом вопросе.

При анализе обязательств важно обратить внимание на структуру обязательственного отношения. Как хорошо известно, по одной из многочисленных классификаций обязательства принято делить на обязательства в узком смысле и обязательства в широком смысле. На примере договорного обязательства весьма упрощенно это деление означает, что обязательства в широком смысле — это все обязательства, возникающие

в процессе всего договорного отношения, каждой из сторон; обязательство в узком смысле — это лишь одно обязательство (регулятивное или охранительное), возникающее из договора. Оно имеет бинарную структуру: требование и долг. Для традиции российского законодательства в отношении общих положений об обязательствах преимущественно характерна регламентация обязательств в узком, а не в широком смысле.

Эволюция гражданского права создает типизированные случаи взаимоотношений при исполнении обязательств, которые и формируют в обязательственном праве соответствующий институт. С точки зрения нормативной систематики Постановление охватывает некоторые положения двух глав ГК — гл. 21 и 22, а разъяснения изложены сообразно структурам этих глав, как правило, в той же последовательности расположения материала. Неполнота гипотез, лаконичность диспозиций и другие многочисленные и неизбежные недостатки позитивного права вызывают массовые затруднения в правоприменительной практике, что приводит к ее противоречивости. Комментируемое Постановление делает значительный шаг в направлении единообразия практики по спорам, связанным с понятием обязательства и его исполнением. Но, как и всякий интеллектуальный продукт, выраженный словами, оно требует понимания заложенных там смыслов (явных и неявных), усвоения нюансов, обнаружения и устранения неизбежных противоречий и неясностей, рассуждений о несказанном и загадочном, сравнения с постулатами доктрины и т.д. и т.п.

Приусице российской юридической ментальности традиционный метод юриспруденции понятий и позитивизм в последнее время в аналитической области все больше отодвигаются на второй план, уступая методологии политики права. Юридическая экзегеза нынче не в чести. Мы все больше отвлекаемся от скрупулезного анализа юридических текстов, меньше обращаем внимание на слова, стараясь увидеть за ними смыслы, идеи, принципы, которые помогут найти справедливое решение того или иного типического социально-экономического взаимодействия субъектов гражданского оборота. Наверное, это правильное направление интеллектуальной юриспруденции. Однако пока идеи права выражаются в словах, которые складываются в предложения, а последние — в юридические тексты, методология анализа и разбора таких текстов не должна быть утрачена. Какой бы уклон ни принимала аналитическая юриспруденция, без развитого понятийного аппарата не обойтись, поскольку он — просто-напросто средство коммуникации, тот способ, с помощью которого и формулируются идеи. Юристы должны уметь точно выражать свои идеи в словах, иначе это может

привести как раз к утрате смыслов. Упадок юридической техники нашего законодательства становится уже настолько очевидным, что этот факт не нуждается в обосновании. Но право складывается не только из законов, но и за счет других текстов. Сложность здесь заключается в том, что каждое слово в позитивном праве должно иметь правовое значение, иначе зачем его надо было использовать. Однако как бы ни был высок авторитет нормативных источников, нельзя сказать, что каждое слово в них истинно. Эмпирика показывает, что научное осмысление юридического текста с неизбежностью влечет такие случаи, когда наука вынуждена сказать законодателю «нет», порой полностью игнорируя текст или существенно его изменив.

Логическая строгость и стройность правовой материи, особенно в источниках позитивного права, отнюдь не являются какими-то анахронизмами. Это костяк права, хрупкость которого способна угрожать дисфункцией всей правовой системы. Научно обоснованная и конструктивная критика позитивного права способна укрепить пошатнувшуюся юридическую конструкцию, не дав ей упасть и разрушиться. Метод правовой дефектологии может оказаться полезным в выявлении слабых мест нашей правовой системы. Поэтому настоящий комментарий пытается охватить буквально почти каждое слово и закона, и Постановления, представив размышления по поводу его употребления. Это делается в попытке соединения методологии политики права и логической семантики юридических текстов.

В связи с принятием рассматриваемого Постановления возникает общий методологический вопрос в отношении прежних правовых позиций, особенно обозначенных в арбитражной практике. Здесь можно наблюдать четыре явления: 1) они подтверждены без изменения; 2) они в основном подтверждены и несколько модернизированы; 3) они концептуально изменены и, наконец, 4) они вообще не затронуты в Постановлении. В отношении первых трех пунктов особенные затруднения в понимании текущих подходов в юриспруденции возникать не должны: следует руководствоваться разъяснениями Пленума. В отношении незатронутых правовых позиций, как представляется, разумно в качестве общего правила исходить из того, что коль скоро Пленум их не коснулся, у судей не было намерения отказаться от ранее выработанных подходов в толковании соответствующих норм права. Значит, ими следует руководствоваться, если только последующая судебная практика не изменит их. Вместе с тем в некоторых случаях отказ от восприятия прежних правовых позиций можно обосновать именно намерением изменить подход, что будет аргументировано в комментарии.

Целый ряд положений Постановления основан на ранее выработанных подходах в арбитражной практике, которая учитывала деловые обыкновения, коммерческую и договорную практику, одним словом, специфику предпринимательских отношений, которая по многим аспектам отлична от бытовых отношений, понимания права обывателями, стандартов поведения граждан. Теперь эти подходы экстраполированы на общую юрисдикцию и, следовательно, есть опасения, что их применение к спорам между гражданами может приводить к неожиданным результатам, вызывающим у последних ощущение несправедливости, что совсем нежелательно. Поэтому юристам необходимо найти методы адаптации соответствующих разъяснений к характеру отношений и субъектному составу участников гражданского оборота.

Другой немаловажный аспект заключается в том, что опять же целый ряд подходов, складывающихся в судебной практике, был формализован в виде обзоров судебной практики, судебных постановлений по конкретным делам, информационных писем. Правовое решение находилось как бы в обрамлении соответствующего казуса, для которого характерны своеобразные обстоятельства данного дела или пусть даже модельного случая. Сейчас же правовое решение достигает высокой степени абстрактности толкования нормы закона, для которого характерно все то, что характерно и для самого закона, — неспособность достичь справедливого решения для всякого конкретного случая, с его особенностями, порой уникальным набором обстоятельств, психологическими аспектами и т.п. Отсюда тот же вывод — необходимость адаптировать абстрактное разъяснение к обстоятельствам конкретного случая. Иными словами, в нижеследующих разъяснениях Пленума нужно видеть не столько инструкцию для препарирования юридического казуса, сколько общую идею оценки правовой нормы, иллюстрацию целей ее применения, метод юридической логики, но не шаблон решения для любого казуса. Разъяснения нуждаются в тонкой настройке в каждом конкретном деле, нюансировании и калибровке.

Одним словом, применяя разъяснения данного (как, впрочем, и всякого) Постановления, для юристов главное — не огоршить участников гражданского оборота, не способных витать в высоких сферах утонченных и глубоких знаний юриспруденции, высокоинтеллектуальными, но весьма неожиданными построениями полета правовой мысли аналитической юриспруденции. Тут мы должны действовать как врачи — не навредить! Решить эту задачу вполне возможно совместными усилиями доктрины, судей и других практикующих юристов.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТ 22 НОЯБРЯ 2016 Г. № 54
«О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ
ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ И ИХ ИСПОЛНЕНИИ»**

В целях обеспечения единства практики применения судами общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения.

1. В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие либо воздержаться от совершения определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (пункт 1 статьи 307 ГК РФ).

При этом следует иметь в виду, что исчерпывающий перечень действий, совершение которых либо воздержание от совершения которых может быть предметом обязательства, статьей 307 ГК РФ не установлен.

В случаях, предусмотренных законом или вытекающих из существа обязательства, на сторону может быть возложена обязанность отвечать за наступление или ненаступление определенных обстоятельств, в том числе не зависящих от ее поведения, например в случае недостоверности заверения об обстоятельствах при осуществлении предпринимательской деятельности (пункт 4 статьи 431.2 ГК РФ) или при изъятии товара у покупателя третьими лицами (пункт 1 статьи 461 ГК РФ).

(а) Юриспруденция не одну тысячу лет пытается осмыслить правовой феномен обязательства, и, казалось бы, с таким багажом знаний

мы должны знать о них все и в мельчайших подробностях. Российские цивилисты занимаются обязательственным правом несколько меньше, но все равно достаточно давно, чтобы преуспеть на ниве познаний этого явления, по крайней мере в отношении базовых понятий. Но не все так просто. Взять хотя бы столь привычные юристам понятия «кредитор» и «должник». Кто-то скажет: но тут-то какие сложности? Вроде бы никаких, впрочем, попробуйте объяснить, почему один термин на латыни, а другой на русском (лингвистически симметричные пары: кредитор – дебитор; должник – веритель).

Сложность абстрактного понятия обязательства заключается в том, что оно не является природным явлением, представляя собой социальный феномен. Методы точных наук не способны зафиксировать обязательство и определить его параметры, поскольку оно принадлежит идеальной сфере. Иными словами, как и многое в праве вообще, обязательство можно только помыслить. Но помыслив что-то, мы способны изложить существо этой мысли словами, чтобы быть понятыми. Так и получается понятие обязательства.

Всякое понятие чего-то идеального условно. Как говорил известный римский юрист Луций Яволен Приск, *omnis definitio in iure civili periculosa est* – всякая дефиниция в гражданском праве опасна. Действительно, несмотря на стремление права к логической стройности, точности и полноте, достигнуть их в полной мере не удастся никогда, поскольку право вообще, гражданское право в частности и обязательственное право в особенности – суть описания социального взаимодействия бесчисленного числа индивидов во всех мыслимых и немыслимых проявлениях, во всем пространстве и во все времена. Поэтому всякий, кто попытается дать какому-то фрагменту таких проявлений определение, рискует либо избыточно расширить его, либо, напротив, необоснованно сузить.

Несмотря на все сказанное, российское позитивное обязательственное право отличается тем, что содержит норму, которую можно считать легальной дефиницией обязательства. Согласно п. 1 ст. 307 ГК в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) **определенное действие**, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

Как видно, центральным ядром понятия обязательства выступают всего два слова – определенное действие. Это и не удивительно, ибо

стороны вступают в обязательство, чтобы получить удовлетворение своих потребностей за счет другого лица, а всякое лицо только к тому и способно, чтобы либо совершать определенные действия, либо воздержаться от их совершения. За счет этих действий должника управомоченный по обязательству (кредитор) и получает удовлетворение своих потребностей. Поэтому каждый вступивший в обязательство по общему правилу отвечает за свои действия, а не за что-то еще. Всякий обязавшийся отвечает за то, к чему он способен, и не может отвечать за то, что от него не зависит. Но какие именно действия могут составить обязательство?

Еще один, даже более известный, римский юрист Гай описывал обязательство через трехчастный перечень: *dare, facere (non facere), praestare*, что означает «дать, сделать (не делать), обеспечить (гарантировать)». Не трудно заметить, что российское понятие обязательства охватывает два первых элемента, но не касается третьего — *praestare*. Все перечисленные примеры в законодательном понятии обязательства относятся к действиям лица, причем далее указывается на то, что иные случаи обязательства должны быть подобными приведенным (и т.п., а не и т.д.).

(б) Первое предложение комментируемого пункта представляет собой почти точную цитату легальной дефиниции обязательства с удалением из нее перечня примеров. Тот факт, что Пленум дополнил выражение законодателя «воздержаться от определенного действия» словом «совершения» («воздержаться от **совершения** определенного действия»), ничего, кроме стремления составителя текста к симметрии, не означает и ничего по существу не меняет. Иными словами, первое предложение никакого разъяснения не содержит, а является аранжировкой нормативного начала для дальнейшего изложения разъяснения.

Пленум не касается базового положения в ряду классификаций обязательств по одному из фундаментальных положений теории обязательственного права, но его нужно привести здесь с методологической целью. Речь идет о таком делении, которое базируется на двух понятиях: **обязательство в узком смысле** и **обязательство в широком смысле**. Последнее представляет собой все обязательственное правоотношение сторон в целом (главным образом договор), а первое состоит из одного определенного действия.

(в) В абз. 2 комментируемого пункта Пленум, ссылаясь на всю ст. 307 ГК, постулирует очевидное положение о том, что исключенный им из цитаты п. 1 ст. 307 ГК перечень действий **не является исчерпывающим**. На это указывает окончание этого перечня — «и т.п.».

т.е. подразумеваются другие подобные действия. Конечно, упомянутый в разъяснении перечень содержится только в п. 1 названной статьи, а два других пункта никаких перечней не содержат, что, однако, едва ли может привести к какому-то иному суждению, нежели сделанному Пленумом. К этому можно добавить, что исчерпывающий перечень действий, которые могут стать предметом обязательства, не установлен не только приведенной статьей, но и никакими другими статьями ГК. Более того, он и не может быть установлен в принципе, поскольку невозможно перечислить все известные действия, равно как и другие действия, которые в настоящее время недоступны человеку, но могут стать доступными, в том числе в связи с развитием науки и техники.

Из данного неисчерпывающего перечня видно, что легальная дефиниция обязательства обнимает обязательство в узком смысле. Большинство норм общих положений об обязательствах сформулировано именно для обязательств в узком смысле.

Приведем иллюстрации. В названном перечне указано, в частности, на такое действие, как обязанность уплатить деньги. В договоре беспроцентного займа мы имеем дело с обязанностью заемщика возратить сумму займа (п. 1 ст. 807 ГК), что и является примером обязательства в узком смысле, т.е. мы обнаруживаем здесь только одно обязательство заемщика совершить названное действие. В случае, допустим, годового процентного займа у заемщика по общему правилу будет 13 обязательств в узком смысле (12 ежемесячных платежей и одно действие по возврату суммы займа). Если же заемщик допустит просрочку, то у него возникнут правоохранительные обязательства по уплате процентов, предусмотренных ст. 395 ГК, по числу дней просрочки, а также увеличится число регулятивных обязанностей по уплате процентов за пользование займом. Все обязательства заемщика, взятые вместе, можно именовать **совокупным обязательством** должника.

По консенсуальному договору займа обнаруживается еще одно обязательство — обязательство займодавца выдать сумму займа, это уже обязанность другой стороны. Совокупное обязательство заемщика и обязанность займодавца составляют ядро заемного обязательства в широком смысле, к которому добавляются и другие правовые феномены обязательственного правоотношения в целом, такие как секундарные (преобразовательные) права, кредиторские обязанности, связанность сторон положениями о применимом праве, пророгационной или третейской оговоркой и т.п.

(г) В абз. 2 Пленум вводит понятие **предмета обязательства**, не раскрывая его. Понятие «предмет обязательства» встречается в ГК дважды: